

ДЕНИС СИВЕРЦЕВ

БАНДИТСКИЙ ОБЩАК ДРЕВНЕЙ РУСИ

МАССОЛИТ

Денис Сиверцев Бандитский общак Древней Руси

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74321856

*Бандитский общак Древней Руси: Массолит;
ISBN 978-5-6056950-7-3*

Аннотация

Сергей «Сивый» приходит в себя на берегу Волхова после неудачного покушения, когда его машину взорвали вместе с ним. Он быстро понимает, что очутился в древнем Новгороде. Первые дни он выживает как бродяга, поражаясь дикости и жестокости нравов. Его пытаются ограбить, но он, используя уличные приёмы и знание анатомии, жестоко избивает нападавших. Это привлекает внимание местной шайки воришек.

Содержание

Глава 1. Взрыв, который кончился Волховом	4
Глава 2. Бродяга на улицах Новгорода	13
Глава 3. Шайка и первые «понятия»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Денис Сиверцев Бандитский общак Древней Руси

Глава 1. Взрыв, который кончился Волховом

Сергей по кличке Сивый никогда не считал себя хорошим человеком.

Он и в молодости не пытался оправдываться перед собой или придумывать красивые легенды про «трудное детство» и «обстоятельства». Хорошим его никто и не называл, максимум – «своим», когда надо было решить дело быстро и жёстко. Он просто делал то, что умел, и со временем перестал даже задаваться вопросом, где там граница между правильным и неправильным.

В девяностые он был «смотрящим» за районом, решал вопросы, собирал деньги, наводил порядок так, как понимал его сам. Про него говорили, что он не брезглив, расчётлив и умеет держать людей в руках.

Добавляли вполголоса, что если Сивый сказал – лучше сделать, чем спорить: не потому что он прямо зверь, а пото-

му что у него память хорошая, зла не забывает и шуток не любит. В его подъездах знали, кто вечером ходит с битой, кто с бутылкой, а кто с конвертом – и чаще всего всё так или иначе шло к нему.

У него была судимость за причинение тяжких телесных. Суд, колония, возвращение, снова район, свои люди и свои связи.

Никакой романтики: прокурор, протоколы, прокурорский голос на автомате, этап, синяя роба, нары. Он отсидел срок как положено, без лишнего геройства, просто принял как часть профессии. Вернулся – и довольно быстро снова оказался там же, где и был: те же подъезды, те же лица, только морщин у всех побольше, а ставки – повыше. Сергей давно понял простую формулу: любая власть держится на трёх китах – деньгах, страхе и уважении. Если есть все три, человек стоит. Если чего-то не хватает, его сносят.

Он видел, как тех, кто надеялся держаться только на страхе, со временем сдавали свои же. И как тех, кто пытался купить всех деньгами, вешали на первых подходящих «стрелочников». Уважение, как он считал, покупается не словами, а тем, что ты делаешь, когда всё идёт через одно место.

К моменту, когда всё пошло не так, у Сивого всё ещё были эти три кита.

Он не был на вершине города, но на своём уровне чувствовал себя устойчиво: деньги шли, люди слушали, старые связи не гнили. Он контролировал часть рынка, знал, кто

сколько зарабатывает, кто кому должен, кто на кого работает. Он не был самым крупным игроком города, но своё место занимал уверенно. Его фамилию редко называли вслух, но кличку знали все, кому надо.

В его телефоне были номера тех, кто решал вопросы куда выше его, и тех, кого он мог отправить «поговорить» во двор или в офис без лишнего шума. Это не делало его неприкасаемым, но давало ощущение, что внезапных сюрпризов быть не должно.

В тот день он сел в машину как обычно.

Один из тех дней, которые ничем не выделяются: ни плохой приметы, ни странного звонка. Водитель за рулём, сам Сивый на заднем сиденье. Впереди была встреча, не самая важная, но требующая присутствия. Они уже десятки раз ездили по этому маршруту, с одними и теми же светофорами и пробками. Улица, серый асфальт, будничный трафик. Ничего необычного.

Он смотрел в окно рассеянно, больше по инерции, чем с интересом, вспоминая, что нужно сказать на встрече, кого прижать по оплате, кому напомнить про старый долг.

Взрыв он не понял.

Был резкий белый хлопок, короткий звук, и всё оборвалось. В фильмах в такие моменты показывают огонь, раскалённые осколки, разлетающиеся в разные стороны. У него не было ни огня, ни красивой картинки. Всё просто оборвалось пополам. Ни боли, ни крика он не запомнил. Просто в один

момент он был в машине, а в другой – тишина и пустота. Как будто кто-то выключил свет.

Не было даже времени подумать «вот и всё», никакой последней мысли. Один срез – и тьма.

Потом было ощущение холода.

Сначала он не мог понять, откуда он. Не мороз, не ветер – именно сырой, костный холод, как будто лежишь на промёрзшей земле в подвале, где никогда не видно солнца. Будто его бросили на бетонный пол в сыром подвале. Он попытался вдохнуть, и в лёгкие попал сырой воздух. Пахло не бензином, не гарью, а чем-то речным – водой, илом, мокрым песком. Открыл глаза и увидел над собой серое небо. Не бетон, не потолок, а просто облака.

Серое, низкое, размытое – как бывает осенью, когда ещё не зима, но уже и не лето.

Он лежал на мокром песке. Рядом плескалась вода.

Сергей медленно сел, опираясь на руки, чувствуя, как ладони проваливаются в холодную, тяжёлую влажность. Песок лип к пальцам, к рукавам. Голова гудела, но не было ни крови, ни осколков, ни запаха горелого металла. Всё тело ощущалось целым, без привычной после драки или аварии ломоты. Одежда была на месте, только грязная и сырая. Машины рядом не было. Вокруг – берег широкой реки, которой он раньше не видел.

Река была не как городская лента воды между набережными – широкая, тяжёлая, живая. Вода шла медленно, уве-

ренно, с какими-то тёмными полосами течения посреди.

Он посмотрел по сторонам.

На другом берегу виднелись деревянные строения, крыши, несколько высоких бревенчатых башен. Какие-то заборы, частокол, редкие крыши с покатыми скатами. Никакого бетона, никаких многоэтажек, ни одного современного здания. Над всем этим стоял лёгкий дым, будто от печей или костров. Дым не бил в глаза густым смогом – просто висел, как часть пейзажа.

Где-то ревели собака или что-то похожее, доносился металлический звон – может, кузница, может, что-то ещё – но ни одного звука мотора.

Сивый поднялся на ноги. Колени дрожали, но держали.

Он на секунду замер, проверяя себя: кружится ли голова, не рвёт ли куда-то, не ноет ли старый перелом. Всё было странно нормально. Он выругался по привычке, но сам звук его голоса прозвучал странно на фоне тишины реки, будто чужой человек ругается в пустом поле. Он огляделся ещё раз и понял, что не слышит привычного шума машин, сирен, далёких моторов. Только вода, ветер и редкие крики где-то вдали.

Эта тишина была не уютной, а настораживающей: слишком много воздуха, слишком мало привычного фона.

Сначала он решил, что его просто вывезли за город.

Возможно, покушение прошло не так, как планировали, его вытащили и бросили где-то на берегу. Мысль была про-

стой, почти автоматической: сейчас найдёт дорогу, выйдет к трассе, поймает машину или хотя бы увидит столб с проводами. Где-то же должны быть линии, бетон, реклама, хотя бы чья-нибудь дача.

Сознание ещё цеплялось за привычную картинку мира, не желая признавать, что картинка не сходится.

Но чем дальше он смотрел, тем сильнее понимал, что что-то не сходится.

На берегу не было никаких следов шин. Ни замятий от протекторов, ни кусочков стекла, ни обломков пластика. Вместо этого – отпечатки босых ног, следы от телеги, глубокие, размазанные. В одном месте в песок глубоко врезались следы копыт. По реке медленно проплывала лодка, в которой сидели люди в грубой одежде, с длинными вёслами. Ни мотора, ни шума. Только плеск дерева о воду.

Всё это выглядело не как «глушь под городом», а как совсем другой мир из картинки в учебнике истории.

Сергей потрогал карманы.

Телефона не было. Не было ни ключей, ни привычных мелочей – сигарет, зажигалки, смятой бумажки с номером. Пусто, как будто он никогда этим не пользовался. Только какая-то грубая тряпичная сумка, которой у него раньше не было. Она висела через плечо, тёрлась о бок. В ней он нашёл кусок чёрствого хлеба и что-то вроде старого ножа с деревянной рукоятю. Лезвие потемневшее, но ухоженное, не ржавое.

Сумка пахла не его жизнью — мукой, деревом, дымом, а не табаком и салоном машины.

Он посмотрел на свою одежду — и тоже удивился.

На нём уже не было современной куртки и джинсов. Вместо этого — грубая, тёмная, плохо сшитая рубаша, штаны из плотной ткани и тяжёлые ботинки странного вида, больше похожие на кожаные лапти с прибитой подошвой. Всё это выглядело так, словно его одели не вчера, а много лет назад, и всё давно ношено, местами перешито.

Швы были неровные, нитки торчали, ткань местами протёрта. Ни одной молнии, ни одного логотипа, ни одной привычной детали.

Сивый медленно выругался ещё раз, уже тише.

Этот мат был уже не автоматической привычкой, а попыткой проверить, что он ещё живой, а не какой-то сон. Слова прозвучали глухо, их тут никто не собирался записывать на диктофон или использовать против него — от этого становилось только страннее. Он начал подниматься выше по берегу, туда, где виднелась дорога. Дорога оказалась не асфальтом, а утоптанной грязью с редкими досками. По ней шли люди. Мужики в холщовых рубашах, женщины в длинных одеждах, босые дети. Никто не держал в руках пакет из супермаркета, никто не говорил по телефону.

У некоторых на плечах висели мешки, кто-то гнал козу, кто-то тащил бочку на волокуше.

Разговоры вокруг были на русском, но слова звучали

немного иначе.

Без жаргона, без привычных выражений, с какими-то странными оборотами и ударениями. Он различал смысл, но фразы были странными, старомодными, как будто слушаешь старый фильм без диктора. Его одежду и состояние заметили. На него пару раз взглянули с любопытством, кто-то буркнул что-то вроде: «Странный пришелец, небось, из дальних мест».

Никто не подбежал, не спросил, нужна ли помощь, не предложил вызвать кого-то. Просто отметили, как ещё один чужой на дороге.

Сергей остановился и спросил у проходящего мужика:

– Это что за город?

Мужик недоверчиво посмотрел на него, сплюнул в сторону и ответил:

– Новгород. А что ж ещё?

Сивый кивнул, но внутри всё сжалось.

Новгород он, конечно, знал как название, но точно понимал, что перед ним не тот город, который есть на современных картах. Никаких дорог, никакой привычной инфраструктуры. Всё – деревянное, грязное, сырое. Не было ни реклама щитов, ни остановок, ни надписей.

Название было знакомым, а всё остальное – чужим, как будто кто-то оставил только подпись на картинке, заменив саму картинку.

Он ещё раз посмотрел на людей, на постройки, на реку.

И где-то в голове медленно сложилась единственная версия, которая объясняла происходящее. Машину взорвали. Его должно было не стать. Но вместо этого он оказался здесь, в чужом времени и городе, который давно уже превратился в строчку в учебнике. Никаких «ком» и «ру» вокруг, только сырость, дым и чужие привычки.

И если это был сон, то уж слишком он был плотным: холодный песок под ногами, тяжесть ножа на поясе, запах дымных печей.

Сивый не знал, как это произошло и зачем.

Он не верил ни в какие чудеса, ни в переселения душ, ни в сказки про «второй шанс», но сейчас всё выглядело именно так. Однако один вывод он сделал сразу: какие бы тут ни были нравы, правила в основе те же. Деньги, страх и уважение. Без них не держится ни один порядок. А значит, даже здесь у человека с его опытом есть шанс заново собрать всё по своим правилам.

Для начала нужно было просто выжить и перестать выглядеть как ошарашенный дурак, вылезший из воды.

Глава 2. Бродяга на улицах Новгорода

Первые дни в Новгороде для Сивого были одинаково серыми и тяжёлыми.

Время тянулось медленно, без опор: ни часов, ни привычного расписания. Утро он узнавал по свету и по тому, как начинал шуметь торг, вечер – по тухнущему свету факелов и тому, как холод пробирался под рубаху всё глубже. Каждый день был похож на предыдущий, но внутри росло ощущение, что он ходит по краю, где любая ошибка может закончиться плохо.

Он быстро понял простую вещь: здесь никто не собирался его жалеть.

Не было ни социальных служб, ни «проверок документов», ни добрых тёток с советами «обратиться туда-то». Ни один человек не остановился и не спросил, что с ним, откуда он. На него смотрели как на очередного оборванца, который появился неизвестно откуда и так же неизвестно куда денется. В девяностые он сам так проходил мимо бродяг, поэтому удивляться не стал.

Мир в этом плане в любом времени был одинаков: уставшие люди не любят чужие проблемы.

Сначала он решил просто посмотреть, как тут всё устро-

ено.

В лоб влезать никуда не было смысла, пока он не понимал, кто здесь главный и как делятся куски. Днём он ходил по улицам, запоминал, где торг, где плотнее идут люди, где стоят стражники. Дороги были грязные, под ногами каша из земли, воды и мусора. Деревянные избы, лавки, низкие двери. Люди таскали тюки, вели телеги, переговаривались громко и резковато.

Город был шумным, но этот шум отличался от городского – меньше машин, больше голосов и живых звуков.

Есть было нечего.

Живот напоминал о себе не сразу, но с каждым часом всё настойчивее. Он пытался найти что-то вроде трактира, куда можно зайти, сесть и заплатить за еду, но быстро понял, что денег у него нет и взять их пока нигде. Пришлось довольствоваться остатками чёрствого хлеба из сумки. Хлеб он ел медленно, растягивая, потому что не знал, когда найдёт следующий.

Он делил кусок на крошечные части, давал себе пережёвывать долго, ловя во рту хоть какой-то вкус, чтобы обмануть желудок.

Ночью было хуже.

Днём хоть люди, движение, разговоры, а ночью город словно выдыхал и оставался только холод и тени. Холод пробирал до костей. Он пару раз попробовал лечь под навесом рядом с какой-то лавкой, но хозяева, заметив его утром, гру-

бо его прогнали. В итоге он нашёл угол между двумя сараями, где меньше дуло, и там устроился ночевать. Сон был коротким, прерывистым, постоянно казалось, что кто-то ходит рядом.

Каждый шорох казался шагами, каждый скрип – попыткой подойти поближе. Он всё время спал вполглаза, не доверяя ни месту, ни людям вокруг.

За это время он успел оценить местные нравы.

На торгу людей толкали, кричали, спорили из-за цены. Могли схватить за воротник, если кто-то наступил на ногу или полез вперёд. Один раз он увидел, как двое тащат мальчишку за шиворот куда-то в сторону – тот вырывается, а один из них бьёт его так, что тот падает в грязь и перестаёт шевелиться. Никто не вмешался. Все сделали вид, что так и надо.

Кто-то отвёл взгляд, кто-то даже усмехнулся – будто это обычная бытовая сцена, не стоящая внимания.

– Дико, – сухо отметил про себя Сивый. – Но по сути то же самое. Просто без камер и протоколов.

В его прежней жизни всё это делали в подъездах и дворах, только потом приезжала машина с мигалками, люди с корочками и начиналась игра «кто виноват». Здесь игра была проще: кто сильнее – тот и прав, остальное никого не заботило.

Он держался в стороне, не высовывался, но и не терял привычку смотреть по сторонам.

По глазам, по движениям, по тому, как люди держат руки,

он быстро стал различать, кто здесь обычный ремесленник, кто купец, а кто уже привык держать нож под полкой. Люди, привыкшие к силе, в любом времени двигаются одинаково – чуть расслабленнее, чем остальные, но с внутренней готовностью.

Он видел, где собираются мелкие шайки, где тусуются те, кто живёт с дороги, а не с лавки.

Голод давал о себе знать всё сильнее.

Чёрствый хлеб кончился, а просить подавание у прохожих он не собирался. Это было не из-за гордости, а из-за понимания: тот, кто слишком быстро сползает до уровня жалости, здесь долго не протянет. Надо было искать способ выжить так, чтобы потом не было стыдно самому перед собой.

Да и никто особенно не выглядел желающим делиться лишним: лица вокруг были уставшими, заботящиеся о себе, не до чужих ртов.

В один из вечеров, когда он возвращался к своему углу между сараями, его «нашли».

Это было ожидаемо: человек, который несколько дней подряд крутится в одном и том же районе, рано или поздно привлекает внимание. Узкая улочка, где почти не было людей. С одной стороны деревянный забор, с другой – глухая стена. Сивый шёл уверенно, не торопясь, но всё равно отметил краем глаза, как из-за угла выныривают две тени. Один перекрыл путь спереди, второй подошёл сзади.

Запах от них был соответствующий – пот, дешёвый само-

гон, дым. Своя порода.

– Эй, странник, – сказал тот, что спереди. – Куда это ты ходишь? Может, поделишься, что у тебя там за пазухой?

Голос был не злым, но с чётким намёком.

Такие «предложения» в любых районах всегда заканчиваются одинаково. Сивый остановился, не торопясь поворачиваться. Он чувствовал, как в нём включается старый, знакомый режим: никакой паники, только холодный расчёт.

– Нечем делиться, – спокойно ответил он. – Сам пустой.

Тот, кто сзади, фыркнул.

– Пустой он, – сказал он. – Смотри-ка, сапоги целы, рубашка не рваная. Выкручивайся давай, пока добром.

Сивый в девяностые такие сцены видел десятки раз, только там вместо сапог и рубашки речь шла о куртках и телефонах. Ситуация была знакомая до боли. Он медленно развернулся так, чтобы видеть обоих. Первый держал в руке что-то вроде короткого ножа, второй пока был пустыми руками, но стоял так, что в нужный момент мог схватить сзади.

Нож был не страшен сам по себе – страшнее было то, что за ним могла стоять компания, но пока он видел только двоих.

– Парни, – сказал Сивый, – вы сейчас делаете одну ошибку. Вы меня не знаете.

– А нам и не надо, – ответил первый. – Нам твои вещи нужны, а не имя.

Дальше всё произошло быстро.

Старые навыки не требовали раздумий. Сивый не стал тянуть. Он шагнул вперёд и чуть в сторону, резко ударив носком ботинка первого по колену. Удар был точным, в сустав. Тот вскрикнул и просел, нож ушёл вниз. В то же мгновение Сивый подался корпусом к нему, ухватил его за запястье и резко выкрутил, выбивая нож на землю.

Всё это заняло меньше секунды, тело работало быстрее, чем успевала формулироваться мысль.

Второй рванулся сзади, но опоздал на долю секунды.

Сивый развернулся плечом, подставив не спину, а бок, и ударил его локтем под рёбра. Тот согнулся, хватая воздух, и получил в ответ кулаком в лицо. Удар был без изысков, но с привычной силой. Человек рухнул на землю, прикрываясь руками.

В девяностые он уже знал, где у человека выключатель – здесь подход был таким же.

Первый попытался подняться, но Сивый уже был над ним.

Он ударил его один раз по корпусу, потом по плечу, не размазывая драку. Бил по тем местам, которые знал: суставы, точки, где больно и выбивает желание продолжать. Через пару секунд оба лежали в грязи, стонали и пытались отползти.

Он чувствовал, что мог бы и сильнее, но сейчас ему нужно было не убить, а показать, что он не из «лёгких».

Он не добивал их.

Просто поднял с земли нож, осмотрел его и сунул за пояс. Нож был годным, хват удобный – в этом времени такой

инструмент явно ценился.

– В следующий раз, – сказал он спокойно, – смотрите, с кем связываетесь. Я сегодня добрый.

Он развернулся и пошёл дальше по улице, как будто ничего особенного не произошло.

Для него это была обычная ситуация: напали, получили в ответ. Разница была только в антураже – не подъезд и не двор, а узкая деревянная улочка, не спортивный костюм, а холщовая рубаха.

Город словно на секунду показал ему знакомое лицо под старой маской.

Он не заметил, что за происходящим кто-то наблюдал.

На крыше низкой пристройки, чуть дальше по улице, сидели двое подростков в простых рубахах. Они с интересом смотрели вниз, как незнакомый человек, похожий на бродягу, одним коротким эпизодом уложил двух местных налётчиков. Для них это было зрелище не хуже ярмарочного.

– Видал? – прошептал один. – Этот чужак с руками.

– Видал, – ответил второй. – Надо сказать нашим.

Когда Сивый дошёл до своего угла между сараями, он уже чувствовал, как разогнался адреналин.

Кровь шумела в ушах, пальцы чуть дрожали – не от страха, а от привычного после драки выброса. Но внутри у него не было ни радости, ни злости. Только холодное ощущение, что он подтвердил самому себе: даже в этом чужом времени он не стал лёгкой добычей.

– Значит, живём, – коротко подумал он.

На следующий день к нему действительно подошли люди.

Пара знакомых лиц из вчерашней сцены среди них не было, но по взглядам и манере держаться было видно, что это не простые прохожие. Они оценивали его, как когда-то он оценивал новеньких у себя в районе. Они не сустились, не улыбались, держались плотной кучкой.

Так у местной шайки воришек появился реальный повод им заинтересоваться.

Глава 3. Шайка и первые «понятия»

Утром после драки на узкой улочке Сивый проснулся раньше обычного.

Холод разбудил его ещё до рассвета, но он не стал досыпать – бессмысленно. Спать уже надоело. Холод, сырость, жёсткая земля – всё это было неприятно, но терпимо. Гораздо сильнее давило ощущение зависания: он есть, город есть, а нормального места в нём у него пока нет. Для человека, который привык контролировать хотя бы свой район, это было хуже любой сырости.

Он понимал, что долго в статусе бесхозного бродяги не протянет: либо пристроят под себя, либо где-нибудь «потеряется».

Он выбрался из своего угла между сараями, встряхнул плечами, насколько это помогало, и пошёл к торгу.

Там была жизнь, деньги, движение – а значит, и дороги наверх, какими бы они ни были в этом времени. Туда стекалась вся информация, вся мелочь и все слухи. На окраинах сидят те, кого уже списали, а в центре всегда видно, кто поднимается, а кто падает.

День начинался как обычно.

Люди тянули телеги, продавцы раскладывали товар, слы-

шались крики, спор по поводу цен, ругань из-за веса. Кто-то ругался на поставщиков, кто-то на погоду, кто-то на жизнь. Сивый шагал медленно, делая вид, что просто ищет, где бы пристроиться. На самом деле он снова запоминал лица. Особенно тех, кто двигался не так, как остальные. Слишком легко, слишком плавно или, наоборот, слишком осторожно.

Такие люди либо уже привыкли к неприятностям, либо сами их создавали.

Через какое-то время он почувствовал на себе взгляд.

Не один, а несколько. Не прямо в лицо, а с краю, из-под навеса, из-за прилавка. Так обычно смотрят те, кто привык оценивать потенциальную добычу – или нового игрока. Сивый сделал вид, что ничего не замечает, подошёл к бочке с водой, зачерпнул рукой, умылся. Холодная вода чуть привела в чувство, смыла ночную затхлость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.